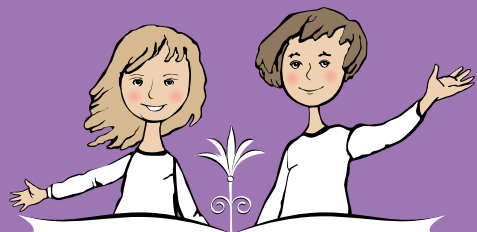

→ рассказы
сказки
стихи
биографии
знания
путешествия

настя и никита

детская литературная серия

АНДРЕЙ МАТВЕЕНКО

ВОЖАК

Андрей Матвеевко

ВОЖАК

Художник Наталья Салиенко

Москва. Издательский дом «Фома». 2010

Бывают зимой такие дни, когда и мороз вроде бы не очень сильный, а всё равно почему-то зябко на улице. Даже если ты в тёплой куртке. Ветер гонит по мостовой лёгкую позёмку, руки сами прячутся в карманы, и больше всего на свете хочется поскорее прийти домой, к теплу и уюту.

Именно в такую погоду Настя и Никита возвращались с папой со школьного праздника. И хотя от школы до метро им было идти всего-то минут десять, но так они за это время замёрзли, что в подземный переход спустились чуть ли не кубарем.

— Ух, холодина какая! — Никита, словно пингвин, захлопал себя по бокам вытянутыми руками, пытаясь согреться.

— Да уж... — Папа стянул перчатки и рылся в кошельке, отыскивая проездной билет.

— Ой, смотрите! Собаки! — вскрикнула Настя.

Рядом со стеклянными дверями, ведущими на станцию, почти под самыми ногами у бегущих мимо людей расположилась небольшая собачья стая. Собаки были крупные и красивые, штук семь или восемь. Они лежали на мраморном полу,

тесно прижавшись друг к другу, так что получился эдакий разноцветный собачий ковёр. Разной масти, разных пород, они все были в чём-то очень похожи друг на друга. Наверное, потому, что взгляд у всех был одинаковый. Положив морды на пушистые бока соседей, собаки смотрели на людей снизу вверх. Будто хотели сказать: «Не выгоняйте нас, пожалуйста. Мы будем очень хорошо себя вести. Только позвольте переждать здесь эту холодрыгу».

— Пап, а откуда берутся бездомные собаки? — спросила Настя.

— Да вот... Оттуда и берутся. — Папа почему-то отвернулся. — Есть, знаешь, такие люди... Сначала возьмут щенка в дом. А после он вырастает в здоровенную псину, от которой одни неудобства. Ну и...

— Неужели выгоняют? — Никита возмущённо засопел.

— Бедные... — вздохнула Настя. — Папа, можно я их поглажу?

— Ни в коем случае. Бродячие собаки очень непредсказуемы в своём поведении. Особенно когда их много.

— Неужели им совсем нельзя как-то помочь? — спросил Никита.

— Можно, и очень даже просто. Если заведёте себе когда-нибудь собаку, никогда не забывайте о том, что кроме вас о ней заботиться некому. Это и будет самая лучшая помощь.

— Я бы никогда не бросила... — вздохнула Настя.

— А я вот хорошо знал одну такую брошенную собаку... Я тогда мальчишкой был. Но если приходится расставаться с другом, то неважно сколько тебе лет. — Папа отвернулся и потёр лицо ладонями. — Да ладно, чего мы тут стоим? Ехать пора.

Настя и Никита притихли и молча смотрели на папу. А потом Настя спросила:

— Пап, а ты нам расскажешь? Ну... про тот случай?

Папа грустно улыбнулся:

— Хорошо. Только давайте сначала доберёмся до дома.

Вожак

История эта произошла со мной в далёком детстве. В ту пору мне было лет пять-шесть, и жили мы тогда с отцом на полуострове Камчатка. Узкая береговая полоса — тридцать километров в длину и всего метров пятьсот в ширину — на которой находился наш дом, с двух сторон омывалась водами могучего Тихого океана.

Камчатка — территория вулканов и гейзеров, плоских приморских тундр и высоких гор с ледниками на вершинах. Это незабываемый мир прозрачных озёр и вскипающих от рыбы быстрых рек, лесов из каменной берёзы и реликтовой (то есть сохранившейся с древних эпох) пихты, стланиковых зарослей и буйного высокотравья. Край многочисленных птичьих базаров и место обитания забавных зверушек под названием «лёмминги». Родина белоплечего орлана и огромного бурого медведя-рыболова. Настоящее заповедное царство!

Здесь очень красивая, но не особенно дружелюбная к человеку природа: частые землетрясения, очень холодные, многоснежные зимы. Бывало, отец открывал утром дверь, а за ней находилась еще одна — из снега. Лето здесь тоже прохладное. Из-за такой погоды некоторые растения — карликовые берёзки и осинки — настолько малы и неказисты, что на первый взгляд их и за деревья принять нельзя. От сильных, непрекращающихся ветров они не могут подняться вверх, а растут в виде низких кустарников.

Историю, которую хочу рассказать, я до сих пор помню всё так же отчётливо, как будто это было совсем недавно.

Многие люди в то время устремлялись на Камчатку на заработки. Их называли «сезонниками», так как они, проработав здесь один-два года, уезжали. В основном это были молодые мужчины с огромным желанием заработать как можно больше денег и поскорее вернуться домой. Жили они в общежитии, расположенном почти на самом берегу океана. Многие из них, чтобы как-то развлечься и заглушить чувство одиночества, заводили какую-нибудь живность, чаще всего собак: обычных дворняг без роду и племени. Когда сезонники заканчивали работать и отбывали домой, на «большую землю», питомцев своих они бросали на произвол судьбы.

С каждым годом в окрестностях посёлка количество бродячих собак увеличивалось. Поначалу их жалели, подкармливали, некоторых местные жители даже забирали себе. Но собак становилось больше и больше, они собирались в стаи и постепенно всё сильнее походили на волков. Одичавшие псы нападали на домашних животных, а случалось, что даже и на людей. Кроме того, в собачьих сворах появились случаи опасной заразной болезни — бешенства. Всё это стало настоящей угрозой для людей, и надо было что-то предпринимать. Властям ничего не оставалось, кроме как отдать распоряжение об отстреле собак. Уцелевших псов увёл далеко в тундру огромный чёрный самец-вожак, которого в посёлке побаивались и, несмотря на все ухищрения и уловки, никак не могли поймать.

Однажды весной отец отправил меня за продуктами в лавку. Идти туда было довольно далеко — в соседний посёлок, несколько километров вдоль океана. Я купил буханку чёрного хлеба и пачку сливочного масла. Назад шёл по берегу лагуны не спеша, радуясь весне. На душе было хорошо и весело: я смотрел на чистую воду, уже освободившуюся ото льда, и предавался радостным мечтам. Совсем скоро мы с друзьями будем ходить по отливу за крабами, удить с пирса рыбу, да и вообще прекрасно, что наконец-то ушла эта долгая, холодная, надоедливая зима!

По берегу кое-где торчали сухие прошлогодние стебли полыни, тонкие жёлтые былинки прибрежной травы, и я не сразу заметил стаю бродячих собак, которая, по-видимому, там отдыхала. Когда же увидел их, было уже поздно — очень быстро меня окружили со всех сторон. Они не рычали, не лаяли, а просто молча обступили меня и смотрели. Но мне почему-то не было страшно. Я боялся лишь за покупки, поэтому вытянул руки вверх вместе с сумкой и так стоял, окружённый стаей диких голодных псов. Вскоре руки у меня стали затекать, а они всё так же молча стояли и сидели вокруг, ничего не предпринимая. Только смотрели на меня в упор, и я не мог понять: чего они выжидают? Почему не набрасываются? Ведь их много, а я один, и к тому же ребенок.

Вдруг за спиной я услышал глухое рычание. Этот звук вывел меня из оцепенения: он был не злобным, а скорее требовательным, настойчивым и властным. Я медленно повернул голову и увидел крупного чёрного пса. Наши взгляды встретились. До меня дошло, что это главарь всей этой своры собак. Он стоял чуть поодаль от стаи, широко расставив крепкие ноги и подняв крупную лобастую голову. Он зарычал ещё повелительней. И только тогда, взглянув в глаза предводителя стаи, я ощутил безграничный страх — это были глаза настоящего дикого зверя.

Но неожиданно его взгляд немного потеплел; видимо, пёс понял, что перед ним всего лишь маленький человечек, никогда не причинявший вреда членам его стаи, и что я беспомощен и очень боюсь. Тотчас же я почувствовал, что больше никто не мешает моим движениям: все собаки отошли, посторонились, дав мне проход, и я их уже больше не интересовал. Руки мои затекли настолько, что, опустив вниз, я совершенно их не ощущал.

Не знаю, что тогда произошло со мной, но, с трудом протянув онемевшую руку в сторону вожака и шагнув к нему ближе, я упал на колени и обхватил его крупную голову руками. Слёзы полились у меня из глаз: я больше не боялся и был благодарен этому незнакомому псу за своё спасение.

Долго мы пробыли с моим новым другом на берегу: я, уткнувшись мокрым от слёз лицом в его густую, свалявшуюся клочьями шерсть, и он, покорно склонив свою голову мне на грудь. Мы сидели на прибрежном песке: ребёнок и собака, никогда раньше не видевшие друг друга, но ставшие счастливыми в одно мгновение, потому что человек не разуверился в великодушии и доброте зверя, а одичавшее животное ещё раз смогло поверить человеку. Только к вечеру пришёл я домой.

Потом как-то мы с отцом собрались в посёлок. Шли пешком. Пройдя километров шесть, я неожиданно увидел моего нового четвероногого товарища — он бежал нам навстречу. Отец, заметив бродячего пса, подобрал на всякий случай пару крупных камней для защиты. Я тут же придумал, что это собака моего товарища, что я хорошо её знаю и что вообще она очень ласковая и доброжелательная. Вожак тем временем уткнулся мордой мне в живот и ждал, пока я его поглажу. Отца, обнюхав, он тоже признал и завил хвостом. Так втроём мы и дошли до лавки. Сделав покупки, отправились обратно, и пёс проводил нас до самого дома.

С тех пор он полюбил ходить с нами в лавку: постоянно ожидал на одном и том же месте, встречал, виляя хвостом, бодро бежал рядом. Мне казалось, что ему нравится хотя бы недолго почувствовать себя не вожаком стаи бездомных собак, а простым домашним псом. Я не знал, где он жил, да и собачьей стаи никогда больше не видел. Лишь время от времени по вечерам со стороны притихшей тундры раздавался тоскливый звериный вой.

Я почему-то так и не рассказал отцу, как этот пёс пожалел меня и как мы сидели вдвоём на берегу океана. Наверное, просто не нашёл подходящих слов. Но он, конечно, и сам давно догадался, что у Вожака — таким именем мы его называли — никакого хозяина нет.

Миновал год. В один из дней мы с отцом снова отправились в посёлок. На обочине дороги увидели нашего провожатого. Но что это с ним? Он не выбежал нам навстречу, а сидел понурившись и смотрел в землю. Мы подошли ближе и я крикнул: «За мной, Вожак!», и тогда пес попытался, как прежде, пойти за нами. Он с трудом поднялся на лапы, но идти не смог и упал посреди дороги, вытянув к нам морду.

— Плохо дело. — Отец склонился над собакой. — Ох и плохо... Похоже, нам надо вернуться.

Он с трудом поднял тяжёлого пса на руки, и мы пошли домой.

Ветеринар, осмотрев больного, сказал, что это отравление, выписал лекарство и ушёл. Я быстро сбегал в аптеку, и потом мы с отцом растирали таблетки в порошок, разводили их водой и поили собаку. Наш больной был совсем плох: вставать он не мог, а только лежал на боку и слегка подёргивал лапами.

А на следующий день я случайно услышал во дворе разговор двух женщин:

— Наконец-то убрали этого пса!

— А сколько мы писали жалоб властям. Ведь даже пройти мимо него страшно было! Вот вчера всё-таки приехали да отравили. Теперь хоть ходить можно спокойно, не боясь.

От услышанных слов я оцепенел — ведь это же они о моём друге говорят! Я вернулся домой и долго сидел рядом с Вожакom на подстилке. А потом сказал ему:

— Вожак, пожалуйста, не умирай! Ты поправишься и будешь моей собакой. Я никому не дам тебя в обиду.

Я обнял его и так уснул.

Вечером отец, вернувшись с работы, перенёс меня в постель.

На третий день Вожаку стало гораздо лучше. Он полакал немного бульона и, довольный, положил голову мне на колени — совсем как в прежние времена. Я рассказывал ему истории из прочитанных книг и поглаживал по густой шерсти, а он внимательно слушал.

Ночью я проснулся оттого, что услышал далёкий протяжный собачий вой. Потом ещё раз, и ещё... Я глянул на Вожака. Он лежал на своей подстилке как будто напружиненный.

— Спокойно, Вожак! — сказал я ему. — Пускай они воют, а ты теперь домашний пёс.

Я похлопал его по голове, и он лёг. Но тут снова раздался вой, и Вожак опять быстро поднял голову и стал водить ушами, вглядываясь в темноту.

Когда я вскочил утром с кровати, Вожака дома не было. Я сразу вспомнил о разговоре соседок и поскорее выбежал на улицу, готовый защищать свою собаку и совсем забыв, что Вожак сам способен не только постоять за себя, но и нагнать страху на любого.

Свежий морской воздух ударил в лицо солёными брызгами. Ярко сияло весеннее солнце, волны Тихого океана лениво набегали одна на другую, а я лихорадочно метался по двору в поисках Вожака до тех пор, пока следом за мною не выбежал отец. Он схватил меня и крепко обнял.

— Где он, папа? Где? — кричал я. Моё воображение рисовало картины одну страшнее другой.

— Тихо, тихо, успокойся... С ним всё хорошо... Успокойся же, послушай меня!

Отец крепко держал меня и гладил по спине, а я всё порывался вскочить и куда-то бежать. Наконец я немного успокоился и мог слушать.

— Он ушёл к своей стае, — сказал отец, и я снова попытался вскочить, но он твёрдо усадил меня обратно на колени. — Когда утром я проснулся, Вожак лежал около двери, как будто ждал,

когда её откроют. Его дом в тундре. Ему было бы тяжело в четырёх стенах...

Я сидел, оцепенев от такого поворота событий. Затем всё-таки снова бросился на берег океана в надежде, что Вожак там. Но песчаная коса была пустынна, и только пара чаек сорвались с водной глади с недовольными криками.

Я искал Вожака всюду, где видел раньше: сбегал за несколько километров к лавке, долго звал его в том месте, где встретил впервые. Всё было тщетно — пёс как сквозь землю провалился. Я ис-

кал его до самого вечера и совершенно выбился из сил. Отец нашёл меня на берегу. Я сидел на большом валуне, смотрел на багровое заходящее солнце, и слёзы катились одна за другой. Отец присел рядом и, обняв меня за плечи, глухо произнёс:

— Сынок, пойдём домой! Он не придёт больше. Он встретил своих друзей — членов стаи и снова стал их вожаком. Он ушёл в тундру. Ушёл навсегда, чтобы никогда не переходить дорогу человеку.

Я и сам это уже понимал, но изо всех сил старался отогнать невыносимую для моего детского сознания мысль о потере друга...

С тех пор вечерами, наслаждаясь зрелищем камчатского заката, великолепнее которого нет больше нигде на земле, мы с отцом часто слышали далёкое завывание и глухой лай, раздававшиеся со стороны притихшей тундры, и среди этих звуков я различал дорогой моему сердцу голос. Голос моего Вожака...

Ребята!

Если у вас появилось желание поделиться с нами своими впечатлениями о прочитанной книжке или, может быть, вам захотелось рассказать о своей семье, о своих историях и приключениях, пишите нам, Насте и Никите, по адресу:

123242, г. Москва, а/я 46

nastya-nikita@foma.ru

Мы постараемся ответить вам.

До следующей встречи!

НАСТЯ и НИКИТА

Андрей Матвеев. ВОЖАК.

Серьёзную жизненную драму переживает маленький герой рассказа — мальчик из небольшого камчатского посёлка на пустынном берегу Тихого океана. Однажды он один на один встречается со стаей диких собак и знакомится с её вожак. Какие чувства связали ребёнка с одичавшим, но нуждающимся в человеческой ласке зверем? Почему они испытывают потребность в общении? И как пережить невыносимую горечь расставания с другом, сохранив дорогие сердцу воспоминания о нём? Обо всём этом задумается читатель.

рассказы

сказки

стихи

биографии

знания

путешествия

ЧИТАЙТЕ В ДЕТСКОЙ СЕРИИ:

Литературно-художественное издание
Серия «Настя и Никита»
Приложение к журналу «Фома»
Выпуск 37

Для старшего дошкольного
и младшего школьного возраста

Андрей Матвеев
ВОЖАК

Художник *Наталья Салиенко*

© ООО «Издательский дом «Фома»,
иллюстрации и оформление, 2010

Главный редактор *Владимир Легойда*
Генеральный директор *Игорь Мещан*
Шеф-редактор издательских проектов
Алина Дальская
Редактор детской серии *Александр Ткаченко*
Арт-директор, дизайн *Анастасия Пассова*
Разработка образов Настя и Никиты
Наталья Кондратова
Верстка *Светлана Лукьянова*
Корректор *Наталья Фёдорова*

Подписано в печать 15.11.2010.
Формат 70x108 1/8.
Гарнитура Schoolbook. Печать офсетная.
Печ. л. 1,5. Тираж 6500 экз. Заказ № 037.
Типография ScanRus OY, Финляндия

ISSN 2074-2614
УДК 821.161.1 – 93
ББК 84(2Рос=Рус)6 – 44
М 33

НАШ САЙТ:
book.foma.ru

ПРИБРОСТИ КНИГИ:
www.foma.ru
book.foma.ru

ЗАКАЗ КНИГ ПО ПОЧТЕ:
e-mail: podpiska@foma.ru
тел.: 8-800-200-08-99

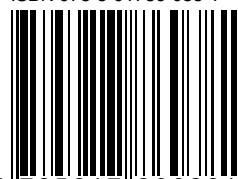
ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:
e-mail: andreeva@foma.ru
тел.: (499) 255-96-58

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В БЕЛАРУСИ:
тел.: +375 29 109-74-37

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ ПО КАТАЛОГАМ:

«Почта России» 10897
«Пресса России «Роспечать» 32938
«Пресса России» 42151

ISBN 978-5-91786-038-1

9 785917 860381